***

Один, отче. Стоп.
Ад и иночество стоп.
Сто лет одиночества –
прокручиваешь так и сяк,
а всё шиворот-навыворот.
Кого-то однажды нашли в яслях,
чтобы был хоть какой-нибудь выбор.
Вот и гляди на звезду.
Ходи по вотчине сов.
Из Орды – ночью, пока не усоп.
Сто лет одиночества –
и для Сизифа срок,
а для тех, кто не в гору – подавно.
Звезда подмигнула –
то ли к морозу, то ли к завещанному звездопаду,
что отзовётся вселенским гулом...

А дни – короче. Исход.
Аттила хочет свор.
Сто лет одиночества –
стул у окна.
Снега хруст на ложе –
на прокрустовом ложе.
А звезда – по-прежнему высока
над этой землёй исхоженной...

***

Развивая Драгомощенко и Целана,
можно долго снимать эту цедру
с новогоднего апельсина,
оставаясь как бы уместным
на празднике современности...
Мы вышли в стылый подъезд,
где ничего, кроме обшарпанных стен,
обсыпавшейся штукатурки
с письменами былых племён,
где гул батарей и труб
перекрывается разве что лифтом,
курсирующим по вертикали —
между небом и землёй,
ограниченными чердаком и подвалом.

Здесь нет запаха апельсина
и порезанных в плошки салатов —
слишком много дверей,
за которыми тоже есть жизнь,
а, может быть, смерть —
со своей аурой быта,
слишком много пыльных пространств,
где бывать и швабре-то недосуг.
Здесь бездомная кошка
трётся боками о ноги,
и, видимо, тусклая лампочка
получает вот так электричество...

Здесь можно поговорить,
не стараясь перекричать
и не прося сделать музыку тише.
Считая ступеньки

на лестничной клетке,
не думай о критериях шага —
просто ступай вверх или вниз.
Не надейся, что нас позовут
обратно в квартиру —
там свои разговоры,
там ждут каких-то гостей
спешащих из аэропорта.

Лучше давай
вспомним нашу любимую песню,
ведь, целую вечность уже
не пели в подъездах,
а потом украдкой
начнём целоваться,
как хмельные подростки...

***

Есть люди-космосы,
есть люди-термосы,
есть люди-полосы
и есть люди-ребусы...
У одного — из-под шапки огонь,
у другого — дым,
у третьего — прядь. Кругом —
какие-то люди. Их следы —
тут и там. Вот стоишь на углу,
а мимо — человек-слон
и человек-кенгуру,
или вон —
за стеклом окна —
человек-рыба.

У одного жена –
колонна из Древнего Рима,
у другого – яблоко,
падающее на темя
в момент тяглового
осмысление места и времени...

Ребёнок-петарда –
громок и ярок,
ребёнок-лаванда –
растёт, как подарок
флоры. Ребёнок-бабочка –
беспечен и лёгок на взлёт.
Дети вершат играючи
вновь наступивший год.

У человека-амфибии –
есть писатель Беляев.
Человек-паук – всеми фибрами
паучьей души любит вторую часть мая,
когда появляется смысл
у ловчих сетей,
и с человеком-редисом
высажен человек-сельдерей
на грядках общественных институтов.
Всё смешалось в доме Облонских
в эпицентре стола, где позвякивает посуда
после очередного тоста.

Есть люди-орнаменты,
есть люди-буквы –
вращают их и разгоняют коллайдеры
по актуальным орбитам науки
до скорости света,
но – бац – и ноль по фазе.
«Крепитесь, люди, скоро лето», –
снова мурлычет разум...